

ную роль в изложении Несторова «Чтения» Никола, но выдвинулись Борис и Глеб. Словом, здесь проявилось критическое отношение к литературному творчеству печерянина Нестора. Вместе с тем рассказ о сухорукой наполнился живыми бытовыми и социальными ситуациями, явно выхваченными из жизни, к которым умело привязана сентенция о справедливости княжого суда. Все это, как мы заметили, было, вероятнее всего, материалом собственных воспоминаний автора «Сказания», который явно был соучастником устройства чуда и имел свою информацию от дорогобужской вдовы. Можно думать также, что Лазарь, будучи в 1072 г. главой вышгородских попов, стал причастен и к совещанию Ярославичей и мог знать о дорогобужских событиях и из уст самих господ.

Все это дает нам основание считать, что новую редакцию рассказа о сухорукой составил Лазарь. Возможно, что именно в этой редакции было освещено чудо и в соответствующей вышгородской записи, сделанной, конечно, тем же Лазарем. Однако в рассказе Несторова «Чтения» он отсутствует, — в этом можно видеть проявление обычной манеры Нестора обезличивать рассказ. Но не исключено, что в данном случае имело место сознательное нежелание печерского автора выдвигать вышгородского попа, — видимо, и здесь сказалась конкуренция двух церковных организаций: печерского монастыря и вышгородских клириков. Естественно, что Лазарь восстановил истину и ввел в свой рассказ самого себя в почетном сане «старейшины клириков».

Обратимся к другим вопросам, где и когда включился Лазарь в литературную работу, ограничилась ли его роль только переработкой рассказа о чуде с сухорукой, наконец, почему и чем отличны замысел и литературный стиль «Сказания» от замысла и стиля «Чтения»?

3

Обратимся сначала к «Сказанию о чудесах». Его общая датировка временем после 1115 г. достаточно прочно обоснована А. А. Шахматовым. Тем же исследователем, равно как и рядом других, с полной ясностью определена политическая тенденция последней части этого произведения, написанной с отчетливым стремлением выдвинуть значение Владимира Мономаха в прославлении Бориса и Глеба. Оба эти положения можно лишь уточнить и детализировать, развивая сказанное выше о причастности к работе над «Сказанием» Лазаря.

Потребность в создании нового литературного произведения о чудесах Бориса и Глеба диктовалась, в частности, стремлением укрепить их культ в глазах простого народа, который не проявлял особого почтения ни к религии, ни тем более к святости останков князей. Если митрополит-грек Георгий, зная настоящую цену чудесам вообще и имея веские политические причины не способствовать прославлению русских чудотворцев, «не твердо» верил «къ святыма», то тем более в простом народе трудно было внедрить и укрепить такую веру — многие, приходившие в Вышгород, весьма явно высказывали свое отношение к святости князей, они «не вероваху, нъ акы лъжю мняху».

Случай с вольнодумной дорогобужской рабой, признание «Слова о казнях божиих» в растущей непопулярности пустующих церквей, нападение восставших крестьян на Киево-Печерский монастырь, давление своими холопами епископа Стефана — все это свидетельствует, что вместе с ростом сопротивления народных масс вообще росло их сопротивление и церковной пропаганде, а позиции церкви угрожающе слабели. Росла и грамотность горожан, они теперь могли сами читать. Теперь к ним не только можно, но и нужно было обращать устную проповедь и литературные сред-